

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Смысловое многообразие теорий, концептов и дискурса soft Power

Доклады

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОНЦЕПТА SOFT POWER КАК САМОДОСТАТОЧНОГО И НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Вилков Александр Алексеевич,

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
заведующий кафедрой политических наук, доктор политических наук, профессор,
Саратов, Россия,
E-mail: vil57@yandex.ru

Аннотация

В статье обосновывается, что данное понятие не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

Ключевые слова:

soft power, трактовки концепта «мягкой силы», внешняя политика, «цветные революции».

Одной из самых актуальных и социально значимых проблем современности является соотношение внутренней и внешней политики национальных государств в условиях глобализации. После поражения СССР в холодной войне американский политолог Дж.С. Най обосновал целесообразность и перспективность использования soft power в мировой политике. Несмотря на некоторые нюансы с переводом данного понятия, наибольшее распространение получила его трактовка как «мягкой силы», в том числе и в изданной на русском языке книге [2].

По мнению О.Ф. Русаковой, концепт soft power – это нечто сложное, обладающее «много-слойной смысловой структурой, многозначностью

и интерпретативным разнообразием», которое исследователи наделяют новыми смыслами «вписывая в тот или иной предметно-исследовательский и методологический контекст» [7, с. 174]. Однако большинство исследователей сходятся в том, что главный «смысл «soft power» заключается в формировании привлекательной власти, то есть в способности влиять на поведение людей, опосредованно, заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали» [5, с. 90]. Фактически, суть данной трактовки сводится к созданию привлекательного имиджа власти, социально-политического строя, совокупности идеологических ценностей и принципов, политических институтов, образа жизни в целом для

Конференц-зал

информационного воздействия на какую-либо страну с целью формирования в ней группы активных сторонников данных ценностей, готовых к борьбе за их внедрение в собственной стране.

На наш взгляд, стремление представить такую политику как нечто принципиально новое и самодостаточное, обусловленное переходом к постиндустриальному информационному обществу, не вполне оправдано. На самом деле, понятие *soft power*, активно используемое последние два десятилетия политиками и исследователями, своим реальным содержанием уходит корнями глубоко в историю. Сочетание «кнута и пряника» во внешней и внутренней политике использовались многими правителями всех времен и народов. Соотношение этих двух начал и технологии их использования в политике прекрасно описал Н. Макиавелли в своем всемирно известном трактате «Государь». Наполеон позиционировал себя как «освободителя Европы», подкрепляя данный имидж достаточно прогрессивными реформами во многих завоеванных странах. Даже Гитлер стремился использовать на завоеванных территориях образ освободителя народов СССР от «ига еврейского большевизма».

Своеобразные модели *soft power* использовали многие правители средневековой Европы, которые после разрушительных войн и массовых эпидемий практиковали «перезывы» подданных из соседних государств, привлекая их всевозможными льготами для обустройства на новом месте. Такую политику, например, активно использовала Екатерина II, в результате чего в малонаселенном Поволжье и некоторых других регионах России возникли многочисленные поселения немецких колонистов.

Первым масштабным политическим мегапроектом использования *soft power* можно считать США, которые успешно эксплуатировали положительный образ своей страны для привлечения потоков иммигрантов из самых различных стран. Одним из идеологов формирования такого образа в XIX веке стал А. де Токвиль, который в своем труде «О демократии в Америке», подробным образом описал все преимущества республиканского демократического устройства в США по сравнению с другими странами. «Американская мечта»

стала для многих жителей старого континента главным мотивом переселения в новый свет, чтобы в условиях максимальной свободы рыночных отношений и частной собственности попытаться реализовать ее на практике. Кроме того, данный проект сыграл не последнюю роль в разрушении абсолютистских монархий и распространении конституционализма и демократических начал в Европе и других странах.

Не менее масштабной альтернативой стала социалистическая модель общественно-политического и социально-экономического устройства, которая должна была продемонстрировать всему капиталистическому миру и народам развивающихся стран преимущества нового строя. По сути, сама идея коммунизма была нацелена на осознание пролетариатом различных стран прогрессивности уничтожения частной собственности и внедрения плановых начал в обобществленное производство. Именно осознанная сила этих идей должна была консолидировать сторонников социализма в ведущих капиталистических странах и обеспечить их победу во всемирном масштабе.

Сама концепция СССР, основывающаяся на возможности построения социализма в отдельно взятой стране, в значительной степени представляла собой своеобразный вариант *soft power*. Готовность поддержать развитие мировой революции сопровождалась формированием положительного образа первого в мире социалистического государства, которое, «вопреки проiscaм внутренних и внешних врагов», добивается невиданных успехов в экономической, социальной и культурной сферах. Этот положительный образ должен был вселять уверенность и оптимизм в те силы, которые вели борьбу за власть в капиталистических и развивающихся странах.

Антагонистическая борьба мегапроектов социализма и капитализма, в том числе и на уровне символических образов, составляла основу противостояния двух блоков в период «холодной» войны. В это время тактика *soft power* фактически была одним из главных средств идеологического противоборства США и их союзников и возглавляемого СССР социалистического лагеря. С учетом наличия «железного занавеса», возможности

Конференц-зал

сторон для пропаганды своих преимуществ были достаточно ограниченными. Союзники США использовали поддержку диссидентских движений и самиздат, и различные «радиоголоса», которые разоблачали тоталитарный советский строй и расписывали прелести западного свободного мира и его образа жизни. СССР мог использовать в качестве демонстрации своих достижений в экономике науке, культуре, образовании неоспоримые факты своего первенства в освоении космоса, мирного и военного атома, в строительстве гигантских предприятий, электростанций и оросительных каналов.

Однако после того, как СССР при Н. С. Хрущеве фактически включился в потребительскую гонку с западным миром, то качественные и модные импортные товары, допущенные на отечественные прилавки, стали «вирусом», исподволь подтачивающим официальную трактовку превосходства социалистического планового хозяйствования. Западные фильмы, попадавшие в этот период в кинопрокат в достаточно большом количестве, также формировали определенное представление о материальных и иных преимуществах западного образа жизни. Внедрение этих потребительских стандартов и индивидуалистических ценностей и стало одной из главных причин поражения СССР и его союзников в «холодной» войне.

Устранение без применения силы с мировой арены своего основного политического, экономического, военного и идеологического конкурента заставило американцев поверить в исключительную эффективность *soft power* в достижении своих внешнеполитических целей. Поэтому, несмотря на наличие мощных вооруженных сил (сдерживать которые в 1990-е годы у России, как правопреемницы СССР, не было ни желания, ни возможности), на первый план американской внешней политика вышла стратегия «мягкой силы», как экономически и идеологически более выгодная. Она стала использоваться как «притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.» [4, с. 17].

Это вовсе не означает, что США и их союзники отказались от использования военной силы в достижении своих целей. Война в Ираке, в Югославии, в Афганистане, военное вмешательство в Ливии, во многие другие локальные конфликты, свидетельствуют, что «железный кулак» США и НАТО, основанный на технологическом преимуществе, может быть использован в любое время и в любой точке земного шара, независимо от решения ООН и норм международного права. Для поддержания своих вооруженных сил США постоянно наращивают военный бюджет. Если в 2000 году он составлял 294,363 млрд. долл., то, в 2011 г. по предварительным оценкам он составил уже 768,217 млрд. долл. Для сравнения, военный бюджет Китая и России по данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира в 2010 г. составил 114,300 млрд. долл. и 52,586 млрд. долл. соответственно [1].

Поэтому вряд ли оправдана несколько односторонняя трактовка *soft power*, в соответствии с которой основные причины ее повсеместного использования заключаются в особенностях постиндустриального информационного общества, к которому переходит большая часть западноевропейских государств. По мнению С. В. Новоселова, в таком обществе «управление через прямое подавление, насилие теряет свою эффективность. Снижается значение и такого инструмента, как подкуп, взятки, широко используемые властью в индустриальном обществе. Командно-приказная система управления постепенно отмирает, потому что невозможно командовать миллионами материально обеспеченных, высокообразованных, хорошо информированных и прекрасно сознающих свою самозначимость интеллигентов, ученых, инженеров» [3, с. 128]. Как представляется, это лишь одна сторона медали, объясняющая повышение роли информационно-коммуникационных технологий и усиление их функциональности в управлении общественными процессами. Обратная сторона заключается в том, что высокие информационные технологии создают гораздо больше возможностей для изощренного манипулирования массовым сознанием, делают их более незаметными

Конференц-зал

для рядовых граждан, а, следовательно, и более эффективными.

Важнейшим направлением внешней политики США и их союзников, нацеленным на изменение политической конфигурации мира в постсоветский период, стала организации и поддержка так называемых «цветных» революций. По мнению Е. Г. Пономаревой, ключевым элементом технологии таких революций является именно стратегия использования soft power. В значительной степени она реализуется посредством предоставления услуг высшего образования и развития наук, «в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства» [6, с. 46]. В результате США и страны НАТО получают подготовленную «пятую колонну» в составе образованной части общества тех стран, в которых реализуется стратегия цветных революций. Она необходима для того, чтобы подготовить необходимую социальную базу и социокультурные предпосылки для революционных преобразований.

Как показывает опыт большинства «цветных революций» на постсоветском пространстве (в Грузии, Киргизии, Украине), а в определенной степени и опыт «арабской весны» (Тунис, Египет, Йемен, массовые протесты во многих других арабских странах), цель их состоит в свержении правительств, которые в своей политике не отвечают (или перестали отвечать) в чем либо интересам США и их союзников.

При этом существует достаточно серьезный риск, что в результате революционного переворота к власти придут политические силы, которые в своей деятельности не захотят ориентироваться на интересы США и их союзников. Но даже в этом случае, стратегическая задача-минимум цветной революции оказывается достигнутой – негодное правительство оказывается свергнутым, в стране чаще всего наступает постреволюционный хаос и обострение внутренних проблем общества, а следовательно минимизирована реальная или воображаемая угроза американским геополитическим интересам. Гражданские войны в Ливии, Сирии показывают, что если у оппозиции в «стране-изгое» недостаточно сил для свержения

действующего правительства, то ей может быть оказана не только информационная, но и финансовая, материальная, организационная и иная поддержка, вплоть до вооруженной интервенции силами натовской коалиции.

Своеобразным примером использования soft power для подготовки «цветной революции» стали события на Украине. Темы сталинского «голодомора», поиски примеров «колониального угнетения» Украины со стороны России культивировались и поддерживались с помощью выделения западных грантов на научные исследования по данной проблематике и зарубежные поездки студентов, аспирантов и преподавателей украинских вузов. Огромное количество разнообразных западноевропейских НКО активно работали на территории Украины на протяжении всего постсоветского периода.

Характерное для стратегии soft power распространение либерально-демократических ценностей среди украинского населения сопровождалось разжиганием националистических настроений, направленных против России, против общих культурных и религиозных корней, против многовекового братства славянских народов, скрепленного и освященного участием в кровопролитных войнах по защите единого Отечества. Вместо этого стал культивироваться и героизироваться образ борцов за украинскую самостоятельность и исторические эпизоды борьбы против России. Наиболее одиозным образом героя независимой Украины стал фашистский пособник С. Бандера и возглавляемое им движение ОУН.

В результате украинское общество оказалось расколотым не только географически, но и идейно. На Западе преобладают те, кто ориентирован на политическую, экономическую, военную и культурную интеграцию с Западной Европой. На востоке и юго-востоке преобладают сторонники тесного сотрудничества с Россией в рамках таможенного союза и сохранения всесторонних братских связей во всех сферах общественной жизни.

Первый опыт цветной революции в его «оранжевом» варианте был реализован в период с ноября 2004 г. по январь 2005 г. в виде протеста сторонников В. Ющенко против победы

Конференц-зал

В. Януковича на выборах Президента Украины. Главным инструментом проявления политики «мягкой силы» стала моральная и информационная поддержка протестующих со стороны США и Евросоюза, заявлявших, что их наблюдатели выявили многочисленные нарушения в ходе выборов. Это стало главным стимулирующим фактором протестного движения, которое привело к тому, что Верховный суд Украины отменил результаты выборов и обязал провести повторный тур голосования, на котором В. Ющенко одержал победу с перевесом в 8%.

Однако политика прозападного президента Украины не получила поддержки и уже на следующих выборах победу одержал В. Янукович. Ее легитимность не подвергали сомнению даже США и их союзники. Тем не менее, после того как украинский Президент временно отложил в ноябре 2013 г. подписание соглашения об ассоциации с ЕС (в виду того, что Президент РФ предложил программу выгодного экономического партнерства), в Киеве вновь начались митинги протеста против политики Януковича. С течением времени радикализм оппозиционных требований нарастал и главной ударной силой Майдана стали хорошо организованные националистические силы «Правого сектора» и движения «Свобода».

Протестующие получили полную политическую, информационную и моральную поддержку со стороны Европейского союза и США. На Майдане побывали видные официальные представители западноевропейских стран, которые открыто призывали украинскую оппозицию вести «демократическую» борьбу до победного конца. Среди них – американские сенаторы Джон Маккейн и Крис Мерфи, заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США в Украине Джеффри Пайетт, спикер литовского Сейма Лорета Граужинене, комиссар ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон, главы внешнеполитических ведомств Канады и Германии – Джон Бэрд и Гидо Вестервелле, экс-премьер Польши Ярослав Качиньский, а также экс-президент Грузии Михаил Саакашвили. Виктория Нуланд, например, раздавала пирожки на Майдане, символически подчеркивая мирный характер демонстрации.

Фактически это стало грубейшим нарушением норм международного права и открытым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Именно США и их союзники открыто угрожали Януковичу в случае силового варианта разгона «мирных» демонстрантов, которые в это время уже демонстрировали всему миру активное использование «коктейлей Молотова» против безоружных сил правопорядка.

Насильственный захват власти сторонниками евроинтеграции был официально признан как легитимный т.к., по мнению западных наблюдателей, на Майдане были представлены «все» регионы Украины, а следовательно «весь» украинский народ. Вопросов о том, кто и каким образом уполномочил двух-трех человек в палатке с надписью «Симферополь» представлять интересы всего населения Крыма, или в палатке с надписью «Донецк» – все население донецкой области – у западных правозащитников не возникало. Не возникало их и в отношении ярых националистов, поведение которых в отношении законных представителей власти Украины носило явно экстремистский характер.

Подводя итог, можно констатировать, что концепт soft power не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового и не является самодостаточным, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

С точки зрения особенностей его использования во внутренней политике, данный концепт всесторонне раскрывается через современные теории демократии, социального и правового государства (варианты перехода представлены в теориях демократического транзита и модернизации). Не последнюю роль в их формировании сыграл мотивирующий внешний фактор в виде наличия альтернативной модели общественно-политического и социально-экономического устройства в СССР. Данный фактор вынуждал усиливать регулирующую роль государства в устранении противоречий капиталистической системы и делать акцент на «мягкой силе» для разрешения возникающих внутренних конфликтов.

Конференц-зал

В то же время, с инструментальной точки зрения, концепт *soft power* действительно приобрел в последние десятилетия принципиально новые возможности во внешней политике. Это обусловлено двумя ключевыми предпосылками. Первая состоит в том, что после разрушения СССР США осознали себя доминирующей силой в однополярном мире, уверовали в свое моральное превосходство в качестве единственного лидера, и в свое право в качестве образца демократии навязывать свои ценности и свои представления о социально-политическом прогрессе всему остальному миру. Этому способствовала вторая предпосылка, связанная с появлением революционных технологических возможностей коммуникации, фактически не ограниченных пространством суверенных государств. Они позволяют значительно расширить возможности ведущих держав в манипулировании массовым сознанием и целенаправленном формировании общественного мнения в различных странах для достижения своих целей.

Процессы глобализации стали главным инструментом политики *soft power*, которые взламывают политическую, экономическую, культурную, правовую самодостаточность национальных государств, превращая их в определенным образом структурированное мировое пространство. Характер и конфигурация этого конструируемого единого глобального проекта в значительной степени определяется США на основе их понимания своих национальных интересов. В соответствии с ним все национальные государства делятся, с одной стороны, на ранжированных союзников и друзей США, а с другой – на противников и «изгоев», несущих различные степени угрозы американским интересам. Критерии демократичности государств для данной классификации используются, но не абсолютизируются. Поэтому Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт – это друзья (несмотря на полное отсутствие в этих государствах демократических начал), а Иран, Сирия (Ирак при С. Хусейне, Ливия при М. Каддафи) – это враги, несущие «угрозу демократии» для всего мира.

В соответствии с такой стратегией и используется политика *soft power*, позволяющая соз-

давать внутренние предпосылки для свержения неугодных правительств и прихода к власти политических сил, следующих в фарватере политики США и их союзников. Внимательный анализ американской внешней политики по отношению к России на протяжении всего постсоветского периода позволяет констатировать, что основной ее смысл сводится к максимальному ослаблению российского государства как мировой державы и отторжению бывших советских республик из сферы российского влияния. Одним из главных инструментов реализации американской стратегии и выступает концепт «мягкой силы». Как представляется, для успешной ее нейтрализации России объективно необходимо, прежде всего, укрепление обороноспособности своей страны. Но этого будет недостаточно, если Россия не сумеет предложить собственный вариант «мягкой силы», основанной на своем варианте мегапроекта, понятном и привлекательном для всех народов евразийского пространства.

1. Гукасов А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестник Института стратегических исследований, выпуск 1: «Конфликты – безопасность – геополитика: стратегический анализ современного мирового развития» // URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf. Дата обращения: 5 апреля 2014 г.

2. Най Дж. С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004.

3. Новоселов С. В. «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 126–131.

4. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Выпуск 1 (36). Март. М.: МГИМО – Университет. 2013.

5. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 87–98.

6. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4. С. 43–59.

7. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (*soft power*) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.

1. Gukasov A. V. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila kak instrumenty vneshnej politiki SShA // Vestnik Instituta strategicheskix issledovanij, vypusk 1: «Konflikty – bezopasnost’ – geopolitika: strategicheskij analiz sovremennogo mirovogo razvitiya» // URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf. Data obrashheniya: 5 aprelya 2014 g.

Конференц-зал

2. Naj Dzh. S. Myagkaya sila. Slagaemye uspeha v mirovoj politike. N'yu-Jork: Pablik afferz, 2004.
3. Novoselov S.V. «Myagkaya sila» informacionnogo obshhestva // Kaspiskij region: politika, e'konomika, kul'tura. 2013. № 3 (36). S. 126–131.
4. Parshin P. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii. Analiticheskie doklady. Vypusk 1 (36). Mart. M.: MGIMO – Universitet. 2013.
5. Ponomareva E. Sekrety «cvetnyx revolyucij». Sovremennye tehnologii smeny politicheskix rezhimov // Svobodnaya mysl'. 2012. № 1/2. S. 87–98.
6. Ponomareva E. Sekrety «cvetnyx revolyucij». Sovremennye tehnologii smeny politicheskix rezhimov // Svobodnaya mysl'. 2012. № 3/4. S. 43–59.
7. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 173–192.

REVISITING THE USAGE OF THE CONCEPT OF «SOFT POWER» AS A SELF-SUFFICIENT AND A NEW BRANCH OF WORLD POLITICS

Vilkov Alexander Alexeevich,

Head of Political Science Chair,
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Doctor of Political Science, Professor,
Address: 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83,
E-mail: vil57@yandex.ru

Annotation

In his article «Revisiting the Usage of the Concept of «Soft Power» as a Self-sufficient and a New Branch of World Politics» A. A. Vilkov argues that the term of «soft power» is not a great asset to the theory: it does not mean anything fundamentally new; instead, it is one of the well-known and interrelated instruments of domestic and – more often – foreign policy of leading world countries.

Key words:

soft power, interpretations of the concept of «soft power», foreign policy, «colored revolutions».
